А. С. АЛУФ

ПРОФСОЮЗЫ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
МОСКВА — 1927

А. АЛУФ

ПРОФСОЮЗЫ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС МОСКВА
1927

Главлит № 91.371. Тираж 15.000
Типография РИО ВЦСПС Москва, Крутицкий вал, д. 36.

Профсоюзы в Октябрьской революции.

I.

Положение рабочего класса накануне Октября.

Заработная плата рабочих накануне Октября.

Пришедшая к власти, после свержения царизма в феврале 1917 г., буржуазия не разрешила ни одного из вопросов, волновавших в то время широкие трудовые массы. Война, поглощавшая все новые тысячи и десятки тысяч жизней рабочих и крестьян и миллионы народных средств, продолжалась, и ей не видно было конца. Земля оставалась в руках прежних владельцев-помещиков, и всякая попытка крестьян отобрать эту землю встречала решительное противодействие со стороны правительства. Капиталисты напрягали все свои силы для того, чтобы голодом поставить рабочий класс на колени и добиться его покорности. В борьбе против рабочих капиталисты опирались на всю силу государственной власти.

В этих условиях положение рабочего класса, несмотря на деятельность создавшихся массовых

рабочих организаций и на огромное напряжение развертывавшейся классовой борьбы, быстро ухудшалось. Причинами этого ухудшения являлись: во-первых, общее истощение страны в связи с затягивавшейся по воле буржуазии войной, во-вторых, саботаж промышленников, сознательно шедших на промышленную разруху в борьбе против рабочего класса. Данные промышленной переписи 1918 г., относящиеся к 3043 предприятиям, непрерывно действовавшим в период 1913—1918 г.г., с общим числом около миллиона рабочих, указывают, что реальная заработная плата рабочих в 1917 г. резко снизилась по всем производствам. При сравнении средне-годовой платы рабочих в 1916 г. и 1917 г. в довоенных рублях (исходя из московских цен на необходимые продукты и предметы до и после войны 1914—1917 г.г.) мы получаем следующие цифры:

Отрасли промышленности	1916 г.	1917 г.	%% снижения.
Горно-заводская	248	168	32
Металло-обрабатывающая .	377	284	33
Химическая	373	361	3
Производство пищ. прод. . .	205	165	20
Хлопчато-бумажная	196	184	7
Обработка дерева	285	261	44
По всем производствам . .	278	220	21[1])

[1]) Сборник „Статистические сведения по СССР", Москва—1924 г.

Из этих цифр мы видим, что в отдельных производствах заработная плата в 1917 г. снизилась, по сравнению с 1916 г., на 30—40%, в среднем же по всем производствам снижение составило 21%. Необходимо учесть, что в 1916 г. реальная заработная плата во многих производствах была уже ниже довоенной. Таким образом, если сравнить заработную плату 1917 г. с довоенной, то снижение окажется еще более значительным.

По подсчетам С. Струмилина месячная заработная плата фабрично-заводских рабочих, в товарных рублях, в 1913 г., составляла в среднем 22 руб., в 1916 г. — 20 руб. 20 коп., в 1917 г. — 17 руб. 79 коп. Таким образом, по этим подсчетам снижение заработной платы в 1917 г. составляло в среднем от 13 до 19%, а по сравнению с 1916 г.—12%.

Такое резкое снижение заработной платы ставило широкие рабочие массы в чрезвычайно тяжелое материальное положение, граничившее с полуголодным существованием. «Положение текстильщиков,— писало правление Московского союза текстильщиков в своем воззвании ко всем рабочим волокнисто-текстильного производства в августе 1917 г.,—ужасно. Плата огромному большинству в среднем колеблется от 2 до 3 рублей, не мало рабочих в провинции получают от 30 коп. до 1 руб. 40 коп. при быстро растущих ценах на предметы первой необходимости. Ясно, что за такую плату жить становится невоз-

можно. Общие условия труда тоже ужасны. Мы работаем и живем в грязи, тесно, ежедневно отравляем свое здоровье ядовитыми газами и парами. Наши дети мрут, как мухи, заболеваемость рабочих и особенно женщин сильно увеличилась, а впереди нас ждет еще худшее: голод и холод» [1]).

Рабочие сознавали бесцельность разрозненных мелких выступлений, ничтожность и призрачность достижений, получавшихся в результате стачечной борьбы, необходимость общих мер со стороны правительства, главным образом, по закреплению определенного уровня заработной платы и по прекращению роста дороговизны. «Отдельные стачки,— читаем мы дальше в том же воззвании, — большею частью кончались без успеха; так, где рабочие добились увеличения заработной платы, положение их фактически почти не улучшилось, ибо фабриканты, увеличивая плату рабочим, перекладывают это увеличение целиком (и даже с добавками) на вырабатываемые ими продукты, вследствие чего цены на предметы первой необходимости растут, обгоняя рост заработной платы. К этому еще прибавляется падение курса рубля... В результате же наше положение нисколько не улучшается».

Отставание роста заработной платы от роста дороговизны заставляло промышленников в некоторых

---

[1]) „Социал-демократ", № 137 от 20 августа 1917 г. — Москва.

случаях итти на отпуск товаров из фабричных лавок по удешевленным ценам, что, само собой разумеется, включалось ими в качестве составной части в заработную плату. На этой почве между промышленниками и рабочими возникали многочисленные конфликты. На Локаловской мануфактуре (Гаврилов Ям, Ярославской губ.) рабочие требовали увеличения заработной платы на 215—400%, в сравнении с довоенной, но при условии сохранения удешевленных цен на предметы, отпускавшиеся из фабричного лабаза. Предприниматель соглашался увеличить заработную плату в 5 раз по сравнению с довоенным временем, но с тем, чтобы продукты из лабаза фабрики считались по рыночным ценам.

Средняя заработная плата по этой фабрике составляла в 1913 г. — 79 коп. в день. В сентябре же 1917 г., когда возник конфликт, заработная плата составляла в среднем 2 руб. 31 коп. в день, следовательно, увеличилась в 3,1 раза [1]). Между тем, цены товаров увеличились в это время в 5,4 раза. Рабочие держались только тем, что из фабричного лабаза им отпускались продукты по несколько удешевленным ценам. Поэтому этот вопрос приобрел в то время такую остроту.

---

[1]) Эти данные вычислены нами на основании цифр о заработной плате рабочих Локаловской фабрики, приведенных в „Текстильном Рабочем“ № 3 от 26/X-17 г.

Падение реальной заработной платы происходило в 1917 г. из месяца в месяц, и положение рабочего класса, таким образом, быстро ухудшалось. В этом отношении характерны цифры, дающие возможность сравнить заработную плату в январе и в июле 1927 г. Имеющиеся об этом данные относятся к рабочим Выборгской мануфактуры и других текстильных предприятий Петроградского района. Заработная плата ватерщиц в этих предприятиях составляла в январе 1917 г. — 90%, в июле 1917 г. — 62% того, что они получали в 1914 г., следовательно, за полгода январь—июль 1917 г. заработная плата понизилась почти на $^1/_3$. Особенно показательно то, какую долю заработной платы приходилось рабочим тратить на пищу до войны и в 1917 г. Заработная плата ватерщицы в 1914 г. в среднем составляла 15 руб. 20 коп. в месяц, из них она тратила тогда на пищу 8 руб. 60 коп., или 56,5%; в январе 1917 г. она зарабатывала в месяц, в среднем, 49 руб. 30 коп., из коих на пищу уходило 30 руб. 90 коп., или 62,7%. А в июле 1917 г. она зарабатывала в среднем 72 руб. 80 коп. в месяц и расходовала на пищу 66 руб. 60 коп., или 90,8% [1]).

Мы видим, что к середине 1917 г. почти вся получавшаяся рабочими заработная плата уходила

---

[1]) Н. Воленс. Заработная плата и рабочее время петроградских текстильщиков. Материалы по статистике труда Северной области, выпуск 3-й, Петроград—1919 г.

на пищу, и что на все остальные нужды у рабочих не оставалось средств.

Несмотря на все ухудшавшееся положение рабочих, промышленники решительно отклоняли требования рабочих об увеличении заработной платы. «Все заявления рабочей конференции 2 мая (речь шла о конференции рабочих южного горнозаводского района), — писали промышленники в своей декларации временному правительству в конце мая 1917 г., — о повышени минимума заработной платы с 2 руб. 50 коп. до 4 руб. за 8-часовой рабочий день и о прочих прибавках по таблицам — необоснованы и неприемлемы: во-первых, потому, что неимоверное увеличение себестоимости предметов добычи и производства, а, следовательно, и продажной себестоимости, долженствует лечь на средства потребителей, т.-е. государства и населения, и промышленники считают себя не в праве итти на подобные соглашения, и, во-вторых, потому, что повышение себестоимости предметов добычи и производства вместе с повышением себестоимости материалов, железнодорожных тарифов, налогов и т. д., составляет суммы, непосильные для предприятий» [1]).

Промышленники ничего не говорили о той бешеной сверхприбыли, которую они получали в это время, в особенности, на военных заказах. Притво-

---

[1]) „Рабочее движение в 1917 г.“ под ред. М. И. Покровского и Я. А. Яковлева, Госуд. Изд. Москва, 1926 г.

ряясь друзьями заказчиков, они, не желая поступиться частью своей прибыли, отклоняли всякую возможность увеличения заработной платы рабочим.

Саботаж промышленников и безработица. В 1917 г. капиталисты и их пресса, клевеща на рабочих, писали и кричали на всех перекрестках, что рабочий класс «взбесился», «пред'являет неосуществимые требования», «развивает чудовищные аппетиты». Приведенные нами выше цифры ясно указывают, насколько основательны были все эти утверждения врагов рабочего класса. Борьба в то время в действительности шла не столько за улучшение материального положения рабочих по сравнению с довоенным временем, сколько за недопущение дальнейшего ухудшения его. При беспрерывном росте дороговизны на предметы потребления отказ капиталистов от соответствующего повышения заработной платы означал фактически линию на понижение реального жизненного уровня рабочих. Это опрокидывает обычно существующие представления о характере экономической борьбы в период февраль — октябрь 1917 г. Распространено мнение, что рабочий класс в 1917 г. вел успешную экономическую борьбу и добился значительного улучшения своего материального положения.

Это утверждение отнюдь не верно. Улучшения действительно имелись в отношении рабочего вре-

мени и правовых условий труда. Что же касается материального положения рабочих, то оно не только не улучшилось, но ухудшилось, несмотря на отчаянное сопротивление рабочих масс. Наступающей стороной в этом отношении была буржуазия и все капиталистическое государство, добивавшиеся понижения жизненного уровня рабочих. Последние же были в этой борьбе по существу стороной обороняющейся.

Для того, чтобы разбить сопротивление рабочих, буржуазия шла на крайние меры борьбы: на разрушение производства, на саботаж, на закрытие фабрик и заводов.

По словам буржуазной «Торгово-Промышленной Газеты» (№ 191, от 3 сентября 1917 г.), «случаи закрытия и приостановки фабрик стали повседневным явлением». Газета «Новая Жизнь» от 19 августа 1917 г. сообщала, что в Москве закрыт, на более или менее продолжительные сроки, ряд крупнейших предприятий, в том числе завод «Динамо», где работало 3.000 рабочих, «Вознесенская Мануфактура»—2.540 рабочих, «Покровская Мануфактура»—5.500 рабочих, фабрика «Циндель»—2.000 рабочих и т. д.

Достаточно ясное представление о том бедственном положении, в которое попадали в это время рабочие закрывавшихся предприятий, дает письмо рабочих Ликинской фабрики (текстильная фабрика в местечке Ликино, в 7—8 верстах от Орехово-

Зуева, насчитывавшая 4.000 рабочих) к Московскому Совету Рабочих Депутатов, написанное незадолго до Октябрьской революции.

«В течение двух месяцев, — писали рабочие — мы находимся без работы. Наш фабрикант, г. Смирнов, ведет скрытый саботаж, мотивируя его отсутствием топлива. Это тот самый Смирнов, который находится в настоящее время в министерстве в качестве государственного контролера (Смирнов занимал должность государственного контролера во временном парвительстве.—*А. А.)*. Хорошим вершителем судеб России будет локаутчик, который выбросил на голод 4.000 рабочих, да солдаток более 500. Сюда нужно прибавить еще 3.000 ни в чем неповинных детей. Фабрика закрыта с первого августа. 12 сентября об'явлен расчет всем рабочим, несмотря на то, что фабрика работала в размере 78% на оборону. Мы, Ликинские рабочие, требуем от вас, товарищи, принятия самых решительных мер, так как и дети наши голодны и выхода никакого нет» [1]).

К бедствиям от понижения уровня заработной платы и беспрерывного роста дороговизны прибавились теперь бедствия от безработицы. В первые годы войны промышленность, быстро поглотив имевшиеся кадры безработных, начала испытывать недостаток в рабочей силе, особенно в квалифицированных рабо-

---

1) „Текстильный рабочий“ № 3, 26 августа 1917 г.

чих. О размере недостатка рабочей силы можно судить по тому, например, факту, что биржа труда, организованная при Петроградском городском общественном управлении (т.-е. городской думе) и открытая в январе 1915 г., зарегистрировала с 29 января по 9 октября 1915 г. 69.748 безработных. За тот же срок на биржу обратилось с требованием рабочей силы 46.650 нанимателей, предложивших места для 138.969 человек. Таким образом, на каждого безработного приходилось в среднем два места [1].

В 1917 г. положение в этом отношении коренным образом изменилось, и безработица начала быстро нарастать. Закрытие предприятий началось сейчас же после февральской революции. С марта по июль 1917 г. число закрывшихся предприятий составило 568 с общим числом рабочих 140.372. Из этого числа 53.500 рабочих было занято в 48 крупных предприятиях. Причиной закрытия предприятий промышленники выдвигали главным образом отсутствие сырья и топлива: на эту причину ссылались владельцы 367 предприятий с 82.882 рабочими, на отсутствие заказов и спроса ссылались владельцы 47 предприятий с 3.816 рабочими, и, наконец, «чрезмерные требования» рабочих и недоразумения с ними выставлялись в качестве причины закрытия пред-

[1]) „Рабочая Жизнь“ № 1, 1915 г.

приятий владельцами этих последних в 57 случаях; число рабочих в этих предприятиях достигало 77.000.

Мы имели, таким образом, организованный поход против рабочего класса, попытку измором и голодом подавить сопротивление рабочего класса. Под угрозой закрытия находились крупнейшие заводы в Москве, Паровозостроительный завод в Харькове, Мальцовские заводы и др.

Во второй половине 1917 г. число закрывшихся предприятий еще увеличилось. По сообщению «Торгово-Промышленной Газеты» от 19 октября 1917 г.— в Петроградском районе, вследствие закрытия промышленных предприятий и сокращения производства, с первого июля по 15 сентября осталось без работы около 25.000 рабочих. В Московском районе закрылись около 50 предприятий, насчитывающих свыше 50.000 рабочих.

В Ярославской губернии одних безработных текстильщиков насчитывалось до 25.000 человек, в Самарской и Саратовской губерниях около 5.000 рабочих. В Донецком бассейне к концу июля была остановлена работа на 77 каменноугольных и на стольких же антрацитных предприятиях. К началу сентября было закрыто до 200 рудников и осталось без работы около 100.000 рабочих.

«Незадолго до Октябрьской революции, — пишет Г. Циперович в своей книге «Чему учит опыт», —

в союзе рабочих швейной промышленности безработица охватила не менее ¾ всех портных, портних, швей в Петрограде. Именно тогда в союзе и зародились идеи организации мастерских для безработных». Вопрос о безработице стал в это время одним из центральных вопросов, волновавших рабочие массы и их организации. 15 октября в Смольном собралась специальная конференция профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, городского самоуправления и социалистических партий, посвященная этому вопросу.

«Безработица, растущая с каждым днем, — говорилось в резолюции, принятой этой конференцией, — вызывается не только общими условиями капиталистического хозяйства. Усиливаемая условиями военного времени, она обостряется всей экономической и финансовой политикой коалиционного правительства, которое систематически ослабляет все революционно-демократические организации и отдает руководство всей хозяйственной жизнью страны в руки землевладельцев и промышленников»[1]).

Временное правительство не принимало никаких мер против промышленников, устраивавших локауты и закрывавших предприятия. Рабочие терпели жесточайшую нужду, голодали, посылали своих пред-

---

1) „Рабочий Путь“ № 38, от 17 октября 1917 г.

ставителей для переговоров во все правительственные учреждения и не могли добиться никаких результатов. Конфликты принимали затяжной характер, и промышленники отнюдь не торопились их ликвидировать. Так, например, Ликинский локаут, начавшийся больше чем за два месяца до Октября, был ликвидирован, несмотря на жесточайшие бедствия рабочих, только после Октябрьской революции.

Затягивавшаяся война, неспособность буржуазии к преодолению возникших хозяйственных затруднений и саботаж, разрушавший промышленность, вызвали резкое падение производительности труда в этот период. Это падение производительности началось сейчас же после войны. На Выксунских заводах, например, оно выражалось в следующих цифрах: в 1914 г. производительность упала в сравнении с 1913 г. на 14%, а в 1915 г. на 24%, в 1916 г. на 34%, а в 1917 г. на 50%[1]).

В Донецком бассейне добыча угля снизилась со 135—140 мил. пудов в месяц в 1916 г. до 125 мил. пудов в месяц в 1917 г. Капиталисты и их пресса пытались представить единственным виновником этого падения производительности «обленившийся», «паразитический», «вышедший из всякого подчине-

---

[1]) „Вестник Металлиста“ № 7—8, декабрь—январь 1918-19 г.—Москва.

ния» рабочий класс. В действительности же вина за падение производительности падала прежде всего на самих капиталистов.

«Закрытие заводов и отдельных мастерских, — говорил докладчик на второй конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда, состоявшейся 7—12 августа 1917 г., — мотивируется главным образом убыточностью предприятий, недостатком оборотных средств и отчасти понижением производительности. Но ведь уровень производительности зависит почти исключительно от оборудования завода и целесообразного распределения на нем сил. Например, на заводе Семенова, который считается образцовым по постановке дела, где проводилась знаменитая система Тейлора, ни одно из этих условий не могло явиться тормозом для падения производительности. Здесь очевидна злая воля заводоуправления. Да и во многих других предприятиях саботаж их ясен. Во всяком случае ни одно голословное заявление заводоуправления не осталось нами непроверенным, и выяснилось, что понижение интенсивности труда крайне незначительно; понижение производительности вызывается простоем станков за недостатком сырья и инструментов, хотя нередко материал имеется на складе завода, но не пускается в работу со спекулятивной целью» [1]).

[1]) „Октябрьская Революция и Фабзавкомы". Часть 1-ая, Изд. ВЦСПС, Москва, 1927 г.

Как мы видим, виновниками падения производительности являлись сами капиталисты, не сумевшие ни покончить с войной, ни обеспечить нормальных условий для развития хозяйства, ни создать для рабочих минимального материального обеспечения.

Капиталисты об'единялись, организовывались, проявляли большую энергию, но не для организации хозяйства и не для устранения все возраставших трудностей по обеспечению нормального хода промышленности, а для борьбы против рабочего класса. В этом отношении весьма показательны некоторые действия организаций промышленников, относящиеся ко второй половине 1917 г. Перед нами, например, циркуляр отдела металлообрабатывающей промышленности «Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» от 18 июля 1917 г. об отпусках рабочим.

«Вопрос об отпусках, как таковой, — читаем мы в этом циркуляре, — по отношению к рабочим не может иметь места, ибо за основу оплаты рабочим принимается тот труд, который они производят. Коль скоро нет этого труда, то не может быть и речи об его оплате... Допущение отпусков с сохранением заработной платы явилось бы по существу увеличением тех размеров заработной платы, кои установлены решением третейских судов... Вопрос не подлежит рассмотрению ни примирительной камеры, ни третейского суда». В другом циркуляре та же орга-

низация промышленников писала: «ни день 6 июля, ни последующие дни забастовки, ни в коем случае оплате со стороны предприятий не подлежат, даже, если бы рабочие начали из-за этого вновь забастовку... Настоящий вопрос не подлежит рассмотрению ни примирительной камеры, ни третейского суда».

Мы видим, что организация промышленников разговаривала со своими членами весьма властным языком и, повидимому, была твердо уверена в их подчинении. Эту силу организованности промышленники использовали однако только для борьбы против рабочего класса, а не для улучшения хозяйства.

Из приведенных здесь фактов видно с полной ясностью, что накануне Октября борьба между капиталистами и рабочими шла не за какие-нибудь частности, не за те или иные отдельные улучшения в положении рабочих, а за самое главное, за то, кому будет принадлежат государственная власть, за выведение страны из состояния развала и разрушения.

Промышленники играли «ва-банк» и делали ставку на полную покорность рабочего класса, на подавление всякого его сопротивления. Этим определялся характер классовой борьбы в этот период.

II.

Борьба за овладение капиталистической фабрикой, заводом, рудником.

(Фабрично-заводские комитеты и рабочий контроль).

Причины введения рабочего контроля.

Обострявшаяся классовая борьба и саботаж промышленников вынуждали рабочих предпринять решительные меры против разрушительной работы капиталистов, которые начали действовать по принципу «чем хуже—тем лучше» и меньше всего думали об обреченных на голод и страдания рабочих. Работу по обеспечению нормального хода предприятий пришлось поэтому выполнять рабочим организациям. Это и составило основную задачу фабрично-заводских комитетов, приступивших к проведению рабочего контроля. Борьба за рабочий контроль, начавшаяся вскоре после февральской революции, заполнила весь период власти буржуазии в 1917 г. и принимала из месяца в месяц все более обостренные формы.

«В февральские и мартовские дни, — говорил один из ораторов на первой конференции фабрично-заводских комитетов в Петрограде 30 мая 1917 г., —

население рабочих районов покинуло фабрики и заводы и вышло на улицы с тем, чтобы раз навсегда покончить с многоловым змеем царизма. Фабрики и заводы приостановились. Потом, неделю-другую спустя, когда были положены первые камни революционных политических организаций, рабочие массы вернулись на заводы. Пришли и увидели, что многие из предприятий оказались брошенными на произвол судьбы: администраторы, генералы, инженеры, техники, мастера, имевшие основание бояться, что рабочие теперь соответственно расправятся с ними за содеянное ими в прошлом, разбежались. Пришлось на этих заводах приступить к работам без администрации. И тут рабочие немедленно избрали заводские комитеты, с помощью которых начала восстанавливаться нормальная жизнь на фабриках и заводах, и там, где прежде стояли администраторы, инженеры и генералы (на казенных заводах), теперь работали члены заводских комитетов. Сама жизнь поставила их в положение руководителей многих предприятий».

В дальнейшем, фабрично-заводским комитетам приходилось осуществлять постоянное наблюдение за нормальным ходом производства. В Самаре на Трубочном заводе заводский комитет отстранил от работы начальника завода генерала Зыбина «по причине его полной неосведомленности и нераспорядительности». Работа по управлению заводом была

распределена между рабочим комитетом (административная власть) и техническим комитетом (руководство технической стороной дела). Рабочему комитету удалось достать значительное количество материала и тем предотвратить остановку завода. В Москве, по настоянию фабрично-заводского комитета, был подвергнут секвестру (взят в собственность государства) металлургический завод Гужона. Благодаря энергичной работе фабрично-заводского комитета, завод значительно поднял свою производительность. Екатеринославская конференция фабрично-заводских комитетов в сентябре 1917 года предложила промышленникам в двухнедельный срок провести новые ставки заработной платы. «Если в течение указанного срока,—предупреждала конференция,—не будут удовлетворены требования рабочих, то конференция об'являет, что все предприятия города Екатеринослава переходят в руки рабочих организаций» [1].

В Донецком бассейне рабочие, видя разрушительную работу промышленников и их прислужников, прибегали к арестам и к отстранению от работы управляющих рудниками. «На руднике бр. Яковенко,—сообщала «Торгово-Промышленная Газета» от 28 июня 1917 г., — во время пожара, толпа арестовала управляющего рудником... На руднике Первозванского товарищества был произведен обыск и аре-

[1]) „Известия Юга" № 165 от 23 сентября 1917 г.

стован управляющий рудником... В Макеевском, Юзовском и Мушкетовском районах эксцессы приняли массовый характер. На Рыковском руднике рабочие насильственно удалили инженера. Такой же случай произошел и с инженером, заведующим шахтой горного «Униона»... На Тихоновском руднике удалены инженер и штейгер. На Богодуховском руднике отстранен инженер. Смещен управляющий завода «Франко-Русского Общества». Эта же газета несколько позже жаловалась на то, что руководители предприятий были вынуждены оставлять рудники и переезжать в город. Газета «Русское Слово» от 13 октября 1917 г. сообщала, что на Сулинском заводе рабочими арестован директор - распорядитель завода, на Алексеевском заводе Брянского Общества в Екатеринославской губернии удален помощник директора, начальник железнодорожного цеха и несколько служащих. На такие действия толкала рабочих провокационная деятельность промышленников, распространявших по адресу рабочих и их организаций всякие небылицы в целях оправдания закрытия предприятий. Характерно в этом отношении письмо Совета Депутатов Ясиновских рудников к директору-распорядителю рудника.

«Всяческие меры в первое время революции, — писали рабочие, — не давать места для заседаний комитета, увольнение отдельных лиц, наиболее энергично отстаивавших интересы рабочих, провока-

ционные донесения во все учреждения о несуществующих волнениях на ваших рудниках, подкупы, оговоры, ходатайства о назначении вам военной силы, причем атаман Каледин с готовностью ваше ходатайство удовлетворил, снял охрану над военнопленными и передал ее в ваше полное распоряжение, как единомышленника его, в своих заветных мечтаниях о возврате к прошлому... Ограничиваясь пока краткой характеристикой вашей провокационной деятельности, мы требуем немедленного ответа, подтверждающего ваше решение прекратить работу на рудниках, дабы иметь возможность более подробно осветить вашу деятельность перед всей революционной демократией и добиться от надлежащих властей и учреждений немедленного отстранения вас, как директора-распорядителя, от занимаемой вами должности»[1]).

Мы видим из приведенных здесь фактов, что в течение периода февраль — октябрь 1917 года, рабочим пришлось вести борьбу за полное овладение капиталистическими предприятиями. На этот путь толкала рабочих жестокая необходимость, так как, при оставлении предприятий в распоряжении капиталистов, рабочему классу угрожали голод и физическое истощение. Рабочий контроль и был ступенью к овладению капиталистическими предприятиями.

---

1) „Известия Юга“ № 717 от 5-15 октября 1917 г.

При этом рабочий класс, беря на себя осуществление рабочего контроля, исходил не только из своих классовых интересов, но одновременно защищал интересы всего трудового населения. Необходимо учесть, что закрытие предприятий и промышленная разруха, на которую сознательно шли промышленники, создавали угрозу для благополучия всей страны.

Таким образом, уже за ряд месяцев до Октябрьской революции, рабочий класс деятельно готовился к той роли, которую он выполнил после Октября — к роли организатора хозяйства в интересах всего трудового населения. Так именно рассматривали фабрично-заводские комитеты свои задачи в области рабочего контроля.

«Рабочие больше владельцев, — читаем мы в постановлении Всероссийской Конференции Фабрично-Заводских Комитетов, состоявшейся накануне Октябрьской революции 17—22 октября 1917 года, — заинтересованы в правильной и непрерывной работе предприятий. Наличность рабочего контроля больше обеспечит в этом отношении интересы всего современного общества, всего народа, чем одно только самодержавное усмотрение владельцев, руководящихся соображениями своекорыстными, материальной или политической выгодности. Поэтому рабочий контроль является не только требованием пролетариата, но лежит и в интересах всей страны и должен

быть поддержан революционным крестянством и революционной армией».

Борьба промышленников и временного правительства против рабочего контроля.

Капиталисты вели отчаянную борьбу против рабочего контроля и против попыток рабочих регулировать производственную жизнь предприятий. Эти действия рабочего класса рассматривались буржуазией, как анархия, как подрыв самых основ производства. Капиталисты и их пресса представляли рабочих, как разнузданную толпу, чернь, не знающую границ своим прихотям. Они пытались восстановить против рабочих широкие массы крестьян и армию. Они распространяли о рабочих самые злостные клеветнические измышления.

«Совет с'езда горнопромышленников Юга России, — говорилось, например, в воззвании горнопромышленников ко всему населению, опубликованном 15 октября 1917 г., — считает долгом всенародно представить истину о том невыносимом, смертельно опасном положении, в котором ныне находится эта отрасль промышленности, снабжающая топливом и металлом фронт и всю страну. Анархия в Донецком бассейне делает все новые и новые завоевания и, соответственно с этим, неудержимо катастрофически падает производительность Донецкого бассейна. Добыча каменного угля и антрацита составляла в сентябре 110 мил. пудов против 150 мил. в сентябре

пр. года. Соответственно с падением добычи падает и вывоз... Разные безответственные лица, часто с уголовным прошлым, явно подготовляют гражданскую войну, совершают бесчинства и насилия над промышленниками и служащими, ставят целый ряд предприятий в положение вынужденного закрытия... Повальное безумие готово овладеть массами, и если такое положение не прекратится самыми решительными мерами, наступит неминуемая гибель Донецкого бассейна, а с ним и всей России»[1]). Капиталисты ничего не говорили о том, что они сами закрывают предприятия, обрекают рабочих на голод, взвинчивают цены и, таким образом, сокращают реальную заработную плату, нарушая свои собственные соглашения.

Они себя изображали невинными ягнятами, а рабочих — хищными волками. Идеологи же буржуазии пытались подвести под эти речи теоретическое обоснование. Так делал, например, известный буржуазный деятель Струве, состоявший когда-то в рядах социал-демократов, а потом ставший одним из наиболее рьяных защитников буржуазии.

«Так же, как в области военного уклада, — говорил он в своем докладе на совещании общественных деятелей, — устранение офицеров солдатами есть разрушение армии, ибо означает несовместимое с бытом армии санкционирование в ней прав бунта.

[1]) „Русские Ведомости“ от 15-го октября 1917 г.

так же в экономической области замена власти предпринимателей над предприятием управлением рабочих — есть разрушение нормального уклада хозяйственной жизни всякого предприятия. Мыслимы различные переходные формы к конституционному устройству фабрики, но конституционное устройство может состоять лишь в очень сложной системе компромиссов, постоянно осуществляемых компромиссов, и ни в коем случае не может быть захватом, диктатурой. Сама идея конституции в хозяйственном деле и в политике в корне противоречит идее захвата».

Временное правительство, состоявшее в это время в большинстве из меньшевиков и эсеров, все свои стрелы направляло в сторону рабочих и всячески обеляло промышленников. В ответ на саботаж углепромышленников Донецкого бассейна временное правительство назначило особого уполномоченного в Донецкий бассейн, которому были предоставлены все права... по подавлению рабочего движения. Кроме того, оно распорядилось о применении по отношению к рабочим вооруженной силы, и на некоторые рудники были введены казаки.

«Воинские части в области Войска Донского, — писал председатель Совета горнопромышленников Юга России, барон фон-Дитман, в письме, напечатанном в газете от 13 октября 1917 года,—размещаются по распоряжению временного правительства.

Размещение это, несомненно, соответствует как интересам населения, которому нужно сохранение порядка и устранение анархии, так и интересам государства, которому охрана промышленности необходима». «Никакой политической подкладки,— лицемерно продолжал он,—в размещении войск нет и быть не может. Также не может быть и речи об использовании войск при разрешении спорных вопросов между трудом и капиталом».

Не приходится долго доказывать, что эти лицемерные слова предпринимателей были наглой ложью. Введение казачьих войск в горнопромышленный район имело единственной целью подавление рабочего движения и принуждение рабочих подчиниться требованиям предпринимателей. Рабочие это прекрасно понимали, поэтому они в ответ на ввод войск об'явили всеобщую стачку, выдвинув требование об удалении вооруженной силы. Это было уже накануне Октябрьской революции. Победа революции и переход государственной власти к пролетариату устранили опасность, нависшую над рабочими Донецкого бассейна.

Борьба меньшевиков против рабочего контроля.

Меньшевики, защищавшие интересы буржуазии, выступали противниками рабочего контроля. Вместо него, они предлагали ввести государственное регулирование хозяйственной жизни страны. Они не могли скрыть от рабочих масс того обстоя-

тельства, что положение страны было неслыханно тяжелым.

«Россия вплотную придвинулась к экономической катастрофе, — говорилось в резолюции, предложенной меньшевиком Череваниным на второй конференции фабрично-заводских комитетов в Петрограде 7—12 августа 1917 г., — только чрезвычайные усилия могут ее спасти от сильнейшего промышленного потрясения, от расстройства транспорта и от надвигающегося голода и финансового краха». Какой же выход указывал Череванин из этого положения? «Только всестороннее государственное регулирование экономической жизни, — говорилось дальше в предложенной ими резолюции, — может восстановить нормальную экономическую жизнь, после прекращения войны, и ослабить кризис,—пока война продолжается».

Он, таким образом, ждал разрешения всех назревших вопросов от того самого временного правительства, которое привело страну к кризису, к гибели. При этом он предлагал добиваться от правительства, чтобы во все органы государственного регулирования были введены представители революционной демократии и чтобы им было предоставлено не меньше половины мест. Не трудно видеть, что при такой форме государственного регулирования роль рабочих организаций фактически была бы сведена на нет, так как капиталистическое государство без труда сумело

бы направить деятельность органов регулирования по угодному ему пути. Напомним, как Ленин формулировал задачи рабочего контроля еще в мае 1917 г.

«Основная мысль этой резолюции, — писал Ленин по поводу постановления I конференции фабрично-заводских комитетов о рабочем контроле, — противопоставление буржуазной и мещанско-чиновничьей *фразе* о контроле—условий *действительного* контроля за капиталистами, за производством. Буржуа лгут, выдавая за «контроль» государственно-планомерные меры обеспечения тройных и даже десятерных прибылей капиталистам. Мелкие буржуа полунаивно, полукорыстно доверяют капиталистам и капиталистическому государству, удовлетворяясь пустейшим чиновничьим прожектерством насчет контроля.

Принятая рабочими резолюция выдвигает на первый план *главное:* 1) как сделать так, чтобы на деле «не охранять» прибыли капиталистов; 2) чтобы сорвать покровы коммерческой тайны; 3) чтобы рабочим дать большинство в контролирующих учреждениях; 4) чтобы организация (контроля и руководства), будучи организацией «в общегосударственном масштабе», направлялась Советами Рабочих. Солдатских и Крестьянских Депутатов, а *не капиталистами*» [1]).

---

[1]) Н. Ленин. „Статьи и речи по вопросам профессионального движения“, стр. 157., изд. ВЦСПС, Москва, 1924 г.

В этом именно направлении, указанном здесь Лениным, развертывали фабрично-заводские комитеты свою деятельность в области рабочего контроля в 1917 году. Они рассматривали рабочий контроль не как государственное регулирование промышленности, а как подготовку рабочего класса к овладению капиталистическими предприятиями. Дальнейший ход событий целиком оправдал такое направление рабочего контроля, действительно подведшего рабочий класс к из'ятию предприятий из рук капиталистов.

III.

Профсоюзы в подготовке Октября.

По мере того, как обострялась классовая борьба, по мере того, как широким рабочим массам становилась ясной предательская роль социал-соглашательских партий, приносивших интересы народных масс в жертву союзным и русским империалистам, — по мере этого профсоюзы твердо усваивали необходимость борьбы за переход всей власти в руки советов. Особенно резко этот процесс проявился в профессиональных союзах, об'единявших индустриальный пролетариат. 5 октября 1917 года московская областная конференция металлистов приняла резолюцию, в которой указывалось, что «рабочий класс должен повести энергичную борьбу за коренные изменения начал экономической политики государства. Но экономическая борьба рабочего класса в настоящий момент больше, чем когда-либо, приобретает характер политической борьбы за власть. Только власть, сконструированная организациями революционной демократии — советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как представителями классов, заинтересованных в развитии и упорядочении завоеваний

русской революции — сможет дать максимум возможного при настоящих условиях в области действительного использования производительных сил» [1]).

15 октября 1917 г. общегородское делегатское собрание московских металлистов указывало, что металлисты готовы, вместе с другими отрядами пролетариата, «в нужный момент, который несомненно уже близок, дружно выступить за общерабочие требования — переход власти в руки истинной демократии—советов» и что перед пролетариатом стоит задача захвата власти путем организованного выступления через Советы совместно с беднейшими слоями деревни и немедленной подготовки организации производства и распределения продуктов.

Далее, делегатское собрание заявило, что оно требует от Московского совета рабочих депутатов «немедленно стать на путь революционной организации всей промышленной жизни, действуя в согласии с Петербургским Советом рабочих депутатов, революционной властью немедленно прекратить забастовку, заставив предпринимателей удовлетворить все экономические требования рабочих и, в частности, издать декрет о контроле заводских комитетов над наймом и увольнением» [2]).

---

1) „Металлист" № 5 от 9 ноября 1917 г., Москва.

2) „Социал-Демократ" № 185 от 17 октября 1917 г., Москва.

Считая необходимым революционный захват власти, металлисты деятельно готовились к нему и всюду, где это было возможно, стремились дезорганизовать власть буржуазии. Так, например, заводский комитет завода Гельферих-Саде в Харькове 29 сентября 1917 года об'явил о том, что, ввиду отказа заводоуправления от выполнения обязанностей по управлению заводом, заводский комитет, считая невозможным прекратить работу, возлагает обязанность по управлению заводом на специальную комиссию, которая должна заботиться о выполнении текущих дел, связанных с производством, и о сохранении порядка на заводе.

Делегатское собрание московских текстильщиков 15 октября 1917 года указывало, что «стараясь обезглавить революцию в Петербурге, под предлогом необходимости эвакуации, буржуазия желает уничтожить последний крупный революционный центр — Москву. Сознавая всю важность и ответственность положения, делегатское собрание находит, что выступлением одних лишь текстильщиков за экономические требования мы не добьемся улучшения своего положения. Необходимо начать выступление всем фронтом революционного пролетариата, необходимо обратиться через центральное бюро профессиональных союзов и революционные рабочие организации ко всему пролетариату с призывом к немедленному выступлению с требованием — вся власть

революционной демократии в лице советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [1]).

Советы, взяв власть, должны были, по мнению делегатского собрания, немедленно провести следующие мероприятия: 1) 8-часовой рабочий день; 2) установление минимума зарплаты по всей промышленности на основе прожиточного минимума, установленного Всероссийским Советом Профессиональных Союзов; 3) наказуемость закрытия фабрик без уважительных причин; 4) введение контроля над производством и распределение продуктов; 5) национализация (об'явление всенародной собственностью) важнейших отраслей промышленности и беспощадное обложение капиталов и доходов; 6) реквизиция всех запасов продовольствия и предметов первой необходимости и установление твердых цен; 7) передача всех земель крестьянским сельским комитетам; 8) предложение воюющим сторонам перемирия на всех фронтах.

Кожевники московского района, начавшие 16 августа 1917 г. стачку, затянувшуюся на 2½ месяца, проявили огромную стойкость и выдержку. Им на помощь пришел весь московский пролетариат и рабочие других городов. Не видя конца упорству предпринимателей, рабочие выдвинули требование о секвестре предприятий. 16 октября 1917 г. делегатское

---

[1]) „Социал-Демократ“ № 187 от 19 октября 1917 г., Москва.

собрание бастующих кожевников приняло решение о том, что «если Министерства Труда, Военное и Торговли и Промышленности не примут мер к улажению конфликта до 18-го, то мы потребуем через Совет Рабочих Депутатов секвестра фабрик и заводов, не заключивших коллективного договора. После 18-го заводские комитеты немедленно приступают к практическим мерам для подготовки секвестра, как-то: описываются товары, машины и т. п.» [1]).

Забастовка закончилась принятием всех требований рабочих частично накануне Октября, частично же после перехода власти к советам.

Областная конференция горнорабочих Донецкого бассейна, состоявшаяся 2—5 октября 1917 года, приняла решение, в котором указывалось, что «профессиональные союзы в состоянии будут полностью осуществить стоящие перед ними ответственные задачи лишь тогда, когда власть в стране перейдет в руки рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Профессиональные союзы не должны ограничиваться узкой сферой экономической борьбы. Стоя на классовой позиции пролетариата, они должны находиться в неразрывной связи с его политическим движением, являясь одной из форм борьбы рабочего класса за его конечные цели» [2]).

---

[1]) „Торгово-Промышленная Газета“ № 231 от 22 октября 1917 г., Петроград.

[2]) „Известия Юга“ от 8 октября 1917 г.

На позиции перехода власти к советам стояли также межсоюзные об'единения (советы профессиональных союзов) крупных промышленных центров. Уже в августе 1917 года, когда временное правительство созвало в Москве государственное совещание, Московский Совет Професссиональных Союзов организовал забастовку протеста, охватившую более полмиллиона рабочих, с лозунгом: «за власть Советов». Эта забастовка была об'явлена, несмотря на то, что большинство Московского Совета рабочих депутатов, состоявшее тогда из меньшевиков и других соглашательских партий, постановило воздержаться от забастовки (360 голосов против 304). Призыв к забастовке исходил не только от Московского Совета профессиональных союзов, но и от правлений отдельных союзов.

«Центральное Правление Профессионального Союза рабочих, занятых по выделке кожи и по производству кожевенных изделий, — читаем мы в газете «Социал-Демократ», от 12 августа 1917 г., — призывает всех кожевников, сапожников, башмачников, ремесленников, заготовщиков, чемоданщиков, чувячников и т. д. к об'единенной забастовке протеста в субботу 12 августа—в первый день созыва Московского Совещания. Правление Профессионального союза картонажников, конвертников призывает товарищей об'явить политическую

забастовку в день открытия Московского Совещания контр-революционеров 12 августа».

Решение об устройстве массовых митингов и об'единенной стачки-протеста было принято накануне совещания на собрании правлений 41 профессионального союза в Москве совместно с центральным советом профессиональных союзов. В резолюциях рабочих собраний были выдвинуты требования разгона государственного совещания, разгона меньшевистских советов, ведших соглашательскую политику, передачи власти новым советам. Измена Корнилова вызвала целый ряд требований рабочих организаций о переходе власти в руки Советов. 24—26 августа, в связи с прорывом рижского фронта, Петроградский Совет профессиональных союзов в своей резолюции указывал, что «поражения на театре войны и прорыв рижского фронта грозят стране, которая истощена 3-х летней войной и связанной с ней хозяйственной разрухой, новыми ужасными бедствиями. Контрреволюция, устроившая на Московском Совещании смотр своим силам, подняла в настоящее время голову и стремится использовать, в своих интересах, прорыв фронта и падение Риги, чтобы нанести удар революции и отнять у трудящихся масс их завоевания. Рабочему классу необходимо напрячь все усилия для обороны революции от направленных против нее покушений. С негодованием отвергая клевету и ложь, распространяемую против солдат, мы

считаем нужным заявить, что рассматриваем создавшееся положение, как результат политики коалиционного временного правительства, приносящего интересы мира и народных масс в жертву союзным и русским империалистам» [1].

Мы видим, что профессиональные союзы, об'единявшие промышленный пролетариат, по мере освобождения от меньшевистских влияний, энергично проводили мобилизацию рабочих масс в целях подготовки к Октябрю. В самые же дни Октября эти союзы предоставили в распоряжение революционной власти свой аппарат, своих работников и свои средства. Петроградский союз металлистов в день октябрьского выступления (25-го по ст. ст.) передал в распоряжение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 50 тыс. рублей. Общегородское делегатское собрание металлистов на собрании от 5 ноября целиком одобрило это ассигнование, как действие правильное и достойное крупной рабочей организации.

Союз железнодорожных мастеровых и рабочих мобилизовал все свои силы на помощь Петроградскому Военно-Революционному Комитету.

«Революционное настроение росло и крепло—пишет работник этого союза А. Хаин в своих воспоми-

---

[1]) Материалы по истории профессионального движения в России. Сборник II. Б. Фрейдлин. Петроградский Совет Профессиональных Союзов в 1917 г. Изд. ВЦСПС—1924 г.

наниях об этом периоде,—охватывая широкие рабочие и солдатские массы. Двойственная политика коалиционного, так называемого, «демократического» правительства, которая продавала интересы трудящихся и дело мира интересам буржуазии, никого уже не удовлетворяла. Большевики получили большинство в Петроградском Совете... Смольный представлял собой настоящий военный лагерь. Длинный сводчатый корридор был запружен толпами солдат и рабочих. На площадках, на лестницах лежали кучи листовок и литературы. У входа в Смольный стоял отряд вооруженных рабочих и солдат с ощетинившимися ружьями. Впереди них простирались дула двух орудий, стоящих у бокового входа. Военно-Революционный Комитет лихорадочно работал от зари до зари. Делегаты засыпали на полу и просыпались, чтобы снова взяться за работу».

В то время, как развертывалась эта лихорадочная работа по подготовке свержения буржуазной власти, союз железнодорожных мастеровых и рабочих в свою очередь переходил на военную работу.

«Наш союз, — рассказывает далее тов. Хаин, — тоже представлял тогда маленький штаб. Сизый табачный дым висел в сгущенной атмосфере комнаты. На полу валялись листовки, газеты, черновики написанных чернилами воззваний. Мастеровые вооружались. Организовывались отряды Красной Гвардии, готовились к захвату власти. В ночь на 25 октября

по старому стилю, когда красногвардейские отряды, в которых участвовали мастеровые и рабочие—члены и руководители нашего союза, брали Зимний Дворец, этот оплот и крепость временного правительства, союз мастеровых и рабочих разослал по всем вокзалам и железным дорогам своих комиссаров. Большинство из них было назначено комиссарами военно-революционным комитетом. Был установлен бдительный контроль за движением на железных дорогах» [1].

Мы видим, что союзы промышленного пролетариата развивали в это время огромную революционную работу и почти целиком шли за большевиками. Такой позиции держались металлисты, текстильщики, кожевники, а также еще не совсем оформившиеся организации горняков. Тот же орган, который возглавлял все профессиональное движение страны—временный ВЦСПС, не сумел в эти дни занять какой-либо определенной позиции. Вышедший из III конференции профессиональных союзов, на которой преобладание, хотя и небольшое, имели меньшевики, и раздираемый внутренней борьбой большевиков и меньшевиков—временный ВЦСПС был бессилен что-либо предпринять.

---

[1] А. Хаин. „Пройденный путь". Союз мастеровых и рабочих железнодорожников Петроградского узла 1917—19 г. Изд. ЦК ж.-д., Москва, 1925 г.

«Организация, составленная на паритетных началах (в составе временного ВЦСПС силы большевиков и меньшевиков были почти равны—А. А.)— писал тогдашний секретарь ВЦСПС тов. Лозовский в отчете за июль—декабрь 1917 г.—не могла выступить, как активная сила в период острой борьбы на внутреннем фронте. С 24-го октября по 20-ое ноября Исполнительный Комитет нельзя было собрать и это по двум причинам: во 1) каждый из членов полагал, что состав Исполнительного Комитета исключает всякую возможность выработки общей линии и во 2) все были настолько заняты событиями, что профессиональные организации отошли на второй план. Между тем Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов не мог оставаться равнодушным зрителем происходящих событий. Ни конференция, ни с'езд не могли бы понять, почему в такой ответственный момент бездействует выборный орган. Нельзя было ждать официальных заседаний, которые к тому же ничего, кроме раскола, не дали бы. Приходилось действовать за свой риск и страх... Когда начал функционировать Центральный Исполнительный Комитет, Всеросссийскому Центральному Совету Профессиональных Союзов было предложено делегировать туда своих представителей. Если стать на чисто формальную точку зрения, то, в виду состава ВЦСПС, пришлось бы сложить руки и ждать, пока с'езд или конференция не разрешат участво-

вать или не участвовать в Центральном Исполнительном Комитете. Если же смотреть на существо дела, если принять во внимание состав профессиональной делегации на обще-демократическом совещании и тот глубокий сдвиг, который произошел в рядах профессионально-организованного пролетариата со времени III конференции профессиональных союзов—необходимо было принять активное участие в Центральном Исполнительном Комитете и его работах. Большевики—члены Всероссийского Центрального Совета—решили принять участие в ЦИК, послав туда из 4-х представителей 2-х, предоставив остальные два места другой части Всероссийского Центрального Совета» [1]).

Отсутствие руководства со стороны ВЦСПС, в условиях крайне обостренной политической борьбы, вызвало то, что каждый союз действовал по-своему, вырабатывал свою собственную политическую линию. Наряду с крупными союзами промышленного пролетариата, ведшими огромную революционную большевистскую работу, были союзы, противодействовавшие подготовке Октября и после завоевания власти выступившие против пролетарской революции. Такую позицию заняли союзы, об'единявшие высшие группы служащих.

[1]) Отчет Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов за июль — декабрь 1917 г. Петроград, 1918 г.

Организация железнодорожных служащих—Викжель (Всероссийский Исполнительный Комитет железнодорожников) пыталась даже играть самостоятельную политическую роль и взяла на себя посреднические функции по переговорам между старой—до-октябрьской и новой — революционной властью. Выступая таким образом, Викжель в сущности играл на-руку врагам советской власти, разбитым на голову, но стремившимся выиграть время для подготовки к дальнейшей борьбе. Представитель Вакжеля выступил на II Всероссийском С'езде Советов. «От имени самой сильной организации в России,—заявил он,—я требую права высказаться здесь и говорю вам—Викжель поручил мне сообщить вам о решении союза относительно образования власти — что Центральный Комитет железнодорожников абсолютно отказывается от большевиков, если они будут настаивать на отделении от всей русской демократии. Мы не признаем законность этого с'езда, так как с момента ухода меньшевиков и социалистов-революционеров нет законного кворума. Союз поддерживает старый ЦИК и заявляет, что с'езд не имеет права избрания нового комитета. Власть должна быть социалистической и революционной — ответственной перед авторитетными органами всей революционной демократии. До образования такой власти союз железнодорожников, который отказывается перевозить контрреволюционные войска в Петроград, в то же

самое время запрещает исполнение каких-либо приказов без согласия Всероссийского Исполнительного Комитета железнодорожников. Викжель равным образом берет в свои руки все управление железными дорогами в России».

В то время, как представители Викжеля принимали участие во II С'езде Советов, правые члены его выступали в контр-революционном комитете спасения родины и революции, заседавшем в здании «Городской Думы», и проводили его директивы.

«Через станционные аппараты — рассказывает т. Хаин,—тайно от комиссаров, проходили телеграммы контр-революционного комитета спасения родины, призывавшие всех следовать за Керенским. Но этого мало. Были разосланы телеграммы за подписью комиссара царскосельского вокзала Сергеева, поставленного Викжелем, об аресте большевиков и т. д. И таких провокационных телеграмм было немало. Телеграфисты противодействовали, администрация саботировала, отказываясь давать паровозы и вагоны даже для Красного Креста. Но мастеровые и рабочие сами подавали паровозы и подчас заменяли бастующих машинистов».

Деятельность Викжеля на железных дорогах встречала решительное противодействие со стороны союза железнодорожных мастеровых и рабочих, которые, как мы видели выше, твердо и решительно шли по большевистскому пути. На этой почве между

представителями Викжеля и союзом мастеровых и рабочих происходили постоянные стычки и инциденты.

«Когда в Москве разгорелась борьба — описывает тов. Хаин один из этих инцидентов—в одно дождливое осеннее утро у Николаевского вокзала собралась огромнейшая толпа моряков, которая требовала их отправки в Москву. Представитель Викжеля, размахивая руками, мягким голосом говорил: «мы не можем вести вас, мы нейтральны и не перевозим войск ни той, ни другой стороны. Но внезапно появилась у вокзала группа мастеровых. Один из них воскликнул: «сюда, товарищи, мы сами перевезем вас куда хотите». Представитель Викжеля был сконфужен, бессильный, как и весь Викжель, что-либо сделать».

Этот инцидент ясно показывает, в чьих руках в действительности находилась сила. Представители Викжеля, припадлежавшие к группе высших железнодорожных служащих и отражавших их настроение, были в сущности беспомощны в проведении своей линии. Этим об'ясняются те колебания, которые они проявили в октябрьские дни. Будучи по существу на стороне буржуазной власти, они, чувствуя настроение масс железнодорожных рабочих и низших служащих, пытались балансировать, выступать примиренцами. В действительности же они стремились лишь оттянуть время, чтобы разжижить революционную энергию большевиков.

Противником Октябрьской революции выступал также союз фабрично-заводских служащих и, в особенности, банковских служащих. В состав союза банковских служащих входила, наряду с рядовыми служащими, также банковская администрация и директора, которым интересы капиталистов были очень близки и дороги.

Во главе союза стояли люди, преданные интересам банковского капитала. Это определило линию союза во время проведения советской властью национализации банков. Союз банковских служащих начал борьбу против национализации, об'явив забастовку и образовав Центральный Стачечный Комитет служащих кредитных учреждений Петрограда. Характерно, что на бюллетенях стачечного комитета красовался лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Капиталисты широко поддерживали эту забастовки, и стачечный комитет имел поэтому возможность установить правильную выплату жалованья всем бастовавшим и даже выдать наградные к рождеству. Это сопротивление служащих, попавших на удочку капиталистов, создало, само собой разумеется, известные затруднения для советской власти. Оно, однако, вскоре было сломлено непреклонной волей и решимостью всего рабочего класса, тесно сплотившегося вокруг советской власти.

Союз фабрично-заводских служащих мало чем отличался от союза банковских служащих. Делегатское собрание союза фабрично-заводских служащих, состоявшееся 24 ноября 1917 г., решило «противостоять против захватнических стремлений кучки демагогов, узурпирующих власть». Собрание постановило оказать материальную поддержку бастующим служащим правительственных учреждений и высказалось за делегирование своих представителей в образовавшийся с целью борьбы против советской власти «союз для защиты учредительного собрания».

Среди фабрично-заводских служащих была значительная часть, несогласных с такой линией союза. Против них союз вел борьбу, например, союз подверг бойкоту двух служащих фабрики Даниловской мануфактуры, согласившихся войти в комитет по проведению рабочего контроля.

«Много конфликтов у союза со служащими—пишет Д. Антошкин,—например, в Москве происходило на почве частичного или полного слияния комитетов служащих с комитетом рабочих. Так было на заводе Товарищества Алексеев, Вишняков и Шамшин, где часть служащих перешла в заводский комитет рабочих. На фабрике торгового дома Эфрос большинство членов комитета служащих вышло из состава совета депутатов служащих и перешло в комитет рабочих» [1]).

---

[1]) Д. Антошкин. Очерк движения служащих в России, Москва, 1921 г.

Противодействие советской власти оказал также союз почтово - телеграфных служащих. 25 октября. в день перехода власти к Советам, Центральный Комитет союза почтово - телеграфных служащих признал недопустимым вмешательство каких-бы то ни было организаций в деятельность почтово-телеграфных учреждений и, в случае насильственного захвата, рекомендовал служащим обращаться к гласности, сложив с себя ответственность за работу учреждений.

Уже из этого постановления ясно, что на об'явление забастовки Центральный Комитет союза почтово - телеграфных служащих не решился. Это вытекало не из общей его позиции, определенно направленной против советской власти, а из сознания того, что на забастовку не пойдут широкие массы почтово-телеграфных служащих, в особенности, младших служащих. Будучи не в силах провести забастовку, ЦК союза дал сначала, как мы видели, указание о том, чтобы служащие обращением к гласности слагали с себя ответственность за работу учреждений. В дальнейшем, однако, ЦК стал на более решительный путь и предложил применить по отношению к учреждениям, перешедшим в руки военно-революционных комитетов, систему изоляции, т.-е. прекращения связи с ними. Это была форма саботажа, равносильная забастовке. Вскоре, однако, широкие массы почтово-телеграфных служащих

разобрались в истинном характере деятельности руководителей союза и обеспечили революционное руководство союзом [1]).

В лагере противников советской власти в октябрьские дни был также союз печатников. Собрание уполномоченных петроградских полиграфических предприятий от 6 ноября 1917 года выдвинуло требование свободы печати (речь шла о буржуазной печати.—*А. А.)* и постановило отстаивать ее всеми мерами вплоть до всеобщей стачки.

«Некоторые типографии — пишет Е. Тиханов — по заслушании меньшевиков правленцев постановляют: «не печатать никаких газет большевистского направления впредь до прекращения преследований против печати», «об'явить всеобщую стачку протеста в защиту свободы печати» и т. д. Угрозы не остаются висеть в воздухе, а осуществляются в жизни. На борьбу против нарушения «свободы печати», — а следует твердо помнить, что речь шла, главным образом, о буржуазных газетах — на эту борьбу, а также против национализации, были подняты рабочие большой петроградской фабрики—Суворина. Забастовка длилась несколько недель» [2]). Против этой линии союза печатников, возглавлявшегося

---

[1]) **М. Ходеев. Всероссийский профессиональный союз рабочих и служащих связи, Москва, 1921 г.**

[2]) **А. Тиханов. Всероссийский союз рабочих полиграфического производства, Москва 1921 г**

тогда меньшевиками, вскоре выступила революционная часть печатников, требовавшая изменения направления деятельности союза. Союзу пришлось преодолеть период раскола прежде, чем он пришел к твердой революционной линии, принятой всем нашим профессиональным движением.

Несмотря на сопротивление, встреченное советской властью со стороны перечисленных союзных организаций, все профессиональное движение в целом и в особенности сильнейшие и крупнейшие союзы индустриального пролетариата служили надежной опорой советской власти в дни Октября, выполнили огромную революционную работу, как в этот, так и в последующий период и обеспечили окончательную победу Октябрьской революции.

IV.

Профсоюзы и оборона революции.

Отпор меньшевикам. Переход власти к рабочему классу в Октябре 1917 года не означал еще конца борьбы с буржуазией. Власть буржуазии была свергнута, но сила ее еще не была полностью сокрушена. Профессиональные союзы, развернувшие большую революционную работу в подготовке к Октябрю, должны были теперь показать, что они готовы не только помогать свержению буржуазной власти, но и стоять на страже завоеваний революции, активно бороться против всяких покушений на нее. Союзы выявили это в первые же дни после Октября. Те трудности, которые стояли перед советской властью в эти дни, требовали прежде всего прекращения стачечной борьбы и обеспечения нормального хода хозяйственной жизни. Стачечная борьба становилась излишней, так как конфликты могли быть разрешены прямым вмешательством государственной власти. В хозяйственную жизнь страны стачки могли внести большое расстройство и осложнения. Профессиональные союзы, осознав

это, обратились с воззванием ко всем рабочим Петрограда о прекращении стачечной борьбы. «Забастовка и выступление рабочих масс, — говорилось в этом воззвании, подписанном Петроградским Советом рабочих депутатов, Петроградским Советом профессиональных союзов и Центральным Советом фабрично-заводских комитетов — только вредят. Мы просим вас немедленно прекратить все экономические и политические забастовки, всем встать на работу и производить ее в полном порядке. Работа на заводе и на всех предприятиях нужна новому правительству Советов потому, что всякое расстройство работ создает для нас новые затруднения, которых и без того довольно. Все к своему месту. Лучшее средство поддержать новое правительство Советов в эти дни — исполнять свое дело».

Весь пролетариат последовал этому призыву и нормальная работа была обеспечена.

Не приходится здесь подчеркивать, какое большое значение приобретал вопрос о роли союзов при тех огромных трудностях, которые встали перед рабочим классом после Октября. Недаром враги рабочего класса прилагали величайшие усилия для того, чтобы оторвать союзы от коммунистической партии и советского государства. На этом вопросе меньшевики заострили свою борьбу против большевиков в профессиональном движении. Это был для них центральный пункт борьбы, так как отрыв союзов от

советской власти и от коммунистической партии, если б он удался меньшевикам, означал бы раздробление сил рабочего класса, раз'единение авангарда от класса и создание об'ективных условий для победы буржуазии.

«Первый Всероссийский с'езд профессиональных союзов — говорилось в резолюции, предложенной меньшевиками этому с'езду в январе 1918 года, — самым решительным образом отвергает попытки Совнаркома превратить профессиональные союзы в подсобные органы так называемого «рабоче-крестьянского правительства» и открыто провозглашает, что профессиональные союзы должны оставаться свободными и независимыми об'единениями классовой борьбы пролетариата».

В этой резолюции, где столько же демагогии, сколько прямой лжи, прежде всего обращает на себя внимание наименование советского правительства «так называемым рабоче-крестьянским правительством».

Указать действительную сущность советской власти меньшевики не были в состоянии, ибо не хотели сознаться, что это власть пролетарская. Поэтому они ограничивались нечленораздельным шипением («так-называемое»), не давая своей цельной системы взглядов на происходившие великие события. Основная цель меньшевиков заключалась в том, чтобы, распространяя всяческую клевету о совет-

ской власти, лишить ее поддержки профессиональных союзов. Первый с'езд, однако, огромным большинством голосов отверг это контр-революционное предложение. С'езд признал, что профессиональные союзы должны работать в полном согласии и в связи с советским государством и коммунистической партией.

«Революционные социалисты, — говорится в постановлениях с'езда, — никогда не смотрели на профессиональные союзы только, как на органы экономической борьбы пролетариата за улучшение положения рабочего класса в рамках капиталистического строя. Революционные социалисты всегда смотрели на профессиональные союзы, как на организации, призванные рука об руку с другими боевыми организациями рабочего класса бороться за диктатуру пролетариата и осуществление социализма». Этому именно революционному пути профессиональные союзы следовали во всей дальнейшей своей работе.

Роль профессиональных союзов в военной обороне советского государства.

Не отделяя общих задач советской власти и коммунистической партии от своих собственных задач, профессиональные союзы приняли энергичное участие в обороне революции, в вооружении рабочих и в создании красной гвардии на фабриках и заводах. После Октября, когда один за другим начали возникать контр-революционные заговоры, профессиональные

союзы предоставили все свои силы в распоряжение советской власти для обороны революции. Речь шла о самом главном для рабочего класса, о сохранении революционных завоеваний. Поэтому в эту ответственную пору не приходилось думать о частичных улучшениях положения рабочих, а направлять всю энергию на защиту основных завоеваний пролетариата.

Старая царская армия, сослужившая огромную службу в деле свержения буржуазной власти, была неспособна стать опорой новой власти, ибо к этому времени старой армии, как организованного целого, по существу уже не существовало, а были усталые, измученные, рвавшиеся домой крестьяне, готовые разрушить все препятствия, стоявшие у них на пути, лишь бы поскорее вернуться домой. Для защиты новой власти пришлось приступить к созданию новой армии, вооружению рабочих, к формированию новых кадров на совершенно новых, революционных началах.

Профессиональные союзы оказали огромное содействие созданию Красной армии, выделили работников на комадные и комиссарские посты и всячески содействовали работе военных органов. Роль союзов в деле формирования Красной армии, как и в развернувшейся в дальнейшем продовольственной работе, была огромна. Впоследствии, всякий раз, когда усиливался напор белогвардейцев, опиравшихся на

мощные западноевропейские и американские капиталы, и когда создавалась угроза для существования советской власти, профсоюзы бросали все силы на помощь государству для организации рабочих масс против белых насильников.

Особенно грозное положение создалось для советской власти в то время, когда Колчак начал свое наступление на Самару, Симбирск и Казань с целью прорыва волжского пути и прекращения доступа хлеба, хлопка и топлива в Центральную Россию. Этот момент был чреват для советской власти огромными опасностями. Советское государство об'явило мобилизацию рабочих и крестьян 9 губерний. От успеха этой мобилизации зависело пополнение состава Красной армии и отражение натиска колчаковских банд. Профессиональные союзы приняли со своей стороны все меры для обеспечения успеха этой мобилизации. Они об'явили поголовную мобилизацию членов профессиональных союзов в губерниях Поволжья, предложили всем своим организациям предпринять широкую агитационную кампанию среди мобилизуемых для раз'яснения целей мобилизации и опасностей, грозящих советской власти, постановили заменить всех служащих мужчин — женщинами, создали во всех союзных организациях комитеты содействия Красной армии, провели мобилизацию ответственных работников. Отдельные города, в первую очередь Петроград — об'явили добро-

вольную мобилизацию 10% всех членов союзов. Все другие союзы последовали этому примеру. Такие же кампании содействия укреплению Красной армии союзы провели несколько позже, когда началось наступление Деникина. Союзы тогда выделили и направили в Красную армию большое число ответственных работников професионального движения, которые, влившись в Красную армию, выполнили там огромную работу.

По словам отчета ВЦСПС за этот год 5 месяцев из 12 были затрачены на работу по мобилизации, причем местами прекращалась почти всякая другая деятельность за счет работы по мобилизации и поддержке советской власти.

Участие профсоюзов в продовольственной работе.

Профессиональные союзы развернули также огромную работу в деле снабжения рабочих продовольствием. Расстройство промышленности не давало возможности снабжать крестьянство всеми необходимыми ему изделиями, вследствие чего добровольный приток хлеба и других продуктов сельского хозяйства из деревни был незначителен и недостаточен для питания городов. Государству приходилось, поэтому, применять принудительные меры для выкачивания продуктов сельского хозяйства из деревни. Это имело также огромное значение для питания Красной армии, которая начала формироваться в это время.

Снабжение продовольствием было очень сложным и трудным делом, требовавшим большого числа работников. Профсоюзы взяли на себя работу по вербовке последних. Для этой цели при ВЦСПС было учреждено особое Военно-Продовольственное Бюро, основная задача которого заключалась в том, чтобы формировать продовольственные отряды, вовлекать в продовольственную работу большие массы промышленного пролетариата и, таким путем, содействовать пролетарскому государству в увеличении продовольственных заготовок.

Согласно положения о Военно-Продовольственном Бюро, на него возлагались следующие задачи: а) мобилизация рабочей силы через профессиональные союзы и их органы (заводские комитеты и т. д.), б) выделение рабочих в члены коллегий губпродкомов, упродкомов и прочих продовольственных организаций, в) посылка рабочих продовольственных отрядов, составленных из лучших сил для организации работы в деревне, г) организация продовольственных экспедиций со специальной задачей для содействия продовольственным организациям, в том числе в местностях, освобожденных от оккупации, д) организация рабочей инспекции, работающей под руководством Военно-Продовольственного Бюро, как в деле продовольствия, так и в связанной с ним областях — транспорт и т. д., причем задачи инспекции состоят в обновлении рабочих организаций и

подведения пролетарской основы под всю систему государственных органов, е) подбор, при содействии профессиональных союзов, специалистов по отдельным отраслям продовольственного дела.

Отдельные союзы также уделяли продовольственному вопросу большое внимание.

Совет Всероссийского союза металлистов в августе 1918 г. (в союзе металлистов тогда, помимо Центрального Комитета, существовал еще Совет) принял постановление о том, что «профессиональные союзы, как массовые организации рабочего класса, не должны и не могут проявлять нейтральный индиферентизм к продовольственному вопросу. В момент, когда вопрос о хлебе решает быть или не быть революции, такой индиферентизм был бы безусловно преступен». «Хлебная монополия, — указывалось далее в этой же резолюции, — проводимая при наличности диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства — не может не встречать бешеного сопротивления кулацких элементов деревни, которые добровольно хлеба революции никогда не дадут, стараясь обречь рабочих на голод, дабы на этом голоде нажиться... Вышеизложенное выдвигает перед профессиональными союзами неотложную задачу немедленно взять на себя, пользуясь последним декретом. Совнаркома, инициативу посылки пролетарских отрядов в деревню за хлебом. Профессиональные союзы должны притти на помощь деревне,

немедленно организуя уборочные отряды. Последние по уборке хлеба с'умеют часть его закупить для города» [1].

Продовольственная работа союзов приняла обширные размеры и в течение двух лет, до конца 1920 года, были сформированы сотни продовольственных отрядов с общим числом участников больше 60 тысяч. Точные результаты этой работы учесть невозможно, так как количество продовольствия, извлекавшегося продовольственными отрядами, сформированными военными продовольственными бюро, отдельно не учитывалось. Тем не менее результаты эти были несомненно очень велики.

Помимо непосредственной работы по извлечению продовольствия, отряды имели огромное значение для укрепления советского аппарата в деревне. За время своей работы, продовольственные отряды провели множество реорганизаций и перевыборов волостных и сельских советов, организовали огромное количество митингов и собраний, распространили большое количество литературы и вообще проделали большую агитационную работу в деревне.

---

1) „Вестник Металлиста" № 7—8. Декабрь — январь 1918 г., Москва.

V.

Профессиональные союзы и организация управления промышленностью.

Наряду со всей указанной выше работой по военной защите республики советов и по организации продовольственного дела, перед профессиональными союзами, после завоевания власти пролетариатом, выдвинулась важнейшая задача по укреплению экономической основы новой власти — по организации управления промышленности и обеспечению нормального хода ее развития. Буржуазия, начавшая еще задолго до Октября саботировать и разрушать производство, стремилась теперь извлечь из оборота свои капиталы, спасти остаток своих богатств. Профессиональным союзам предстояло предупредить развал промышленности, закрыть для буржуазии путь к расхищению народных богатств, создать органы, способные управлять производством после удаления буржуазии. Профессиональные союзы полностью справились с этой работой. Декретом советского правительства от 14 ноября 1917 г. был проведен рабочий контроль в таких именно формах, в каких это было необходимо рабочему классу. Про-

фессиональные союзы, которые раньше предоставляли проведение рабочего контроля фабрично-заводским комитетам, теперь приняли в этой работе самое горячее участие и взяли на себя руководство ею. Первый с'езд профессиональных союзов постановил, что «с развитием и укреплением профессиональных союзов — фабрично-заводские комитеты должны стать органами соответствующих профсоюзов».

Эта линия не встретила теперь никаких возражений в том числе и со стороны самих фабрично-заводских комитетов. Это об'яснялось тем, что профсоюзы, преодолев период внутренней обессиливавшей их борьбы с меньшевиками, эсерами и т. п., сумели взять на себя полностью работу по организации хозяйства и выступили, как основная опора советского государства в этой области.

Кроме того, после Октябрьской революции существенно изменился и характер рабочего контроля. В условиях власти пролетариата рабочий контроль постепенно переходил в рабочее управление. Это вызывалось необходимостью предупредить развал промышленности, подготовлявшийся предпринимателями. После Октября, когда в руках рабочего класса, в его борьбе против капиталистов, кроме прежних методов борьбы, оказалось еще такое сильное орудие, как государственная власть — угроза полной ликвидации производства капиталистами

стала особенно реальной. Во многих случаях капиталисты так и поступали.

На Богословском заводе на Урале рабочие, вследствие отказа предпринимателя ввести рабочий контроль, организовали военно-революционный комитет, революционным путем вводивший новые формы управления предприятием.

Невьянский завод был оставлен предпринимателями, и рабочим пришлось назначить административно-хозяйственный комитет не для контроля, а для управления предприятием. Таких же фактов было много и в московском промышленном районе.

«Принимая во внимание, — писало правление московского союза текстильщиков Президиуму Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в январе 1918 г., — что владелец фабрики на станции Химки, Николаевской жел. дор., отказался от фабрики, бросив ее на произвол судьбы, не уплатил рабочим жалованья, даже за декабрь месяц, что все попытки путем соглашения уладить инцидент ни к чему не привели, Центральное правление было вынуждено, во избежание приостановки производства, распорядиться о пуске фабрики непосредственно средствами союза, что и было сделано 15 января с. г.» [1]).

---

[1]) „Рабочее движение в 1917 г.". ГИЗ, Москва, 1926 г.

Через несколько дней после посылки этого письма союз текстильщиков поднимает перед Президиумом Московского Совета общий вопрос о судьбе предприятий, так как случаи бросания фабрикантами своих предприятий на произвол судьбы учащаются.

«Союз наталкивается на явный саботаж фабрикантов—писал союз текстильщиков в этом письме—выражающийся в нежелании уплачивать жалованье рабочим, отказе от руководства предприятием и даже бегства с последнего, в умышленном сокрытии грузов сырья, топлива, в стремлении внести раскол в среду рабочих, удовлетворяя отдельные категории их... В виду изложенного, центральное правление обращается в президиум с ходатайством о предоставлении союзу права в тех случаях, когда дальнейшее промедление грозит серьезными осложнениями пускать фабрику в ход помимо владельца, с условием немедленного заявления об этом в президиум и районный экономической комитет для соответствующего распоряжения».

Петроградское Общество Фабрикантов и Заводчиков отказалось подчиняться декрету о введении рабочего контроля и комиссариат труда должен был прибегнуть к репрессиям и конфискации предприятий. От петроградских фабрикантов и заводчиков не отставали и промышленники южного района.

«Южная промышленность, — постановил съезд горнопромышленников Юга России в декабре 1917 г.,—может существовать и развиваться лишь в тех условиях, которые имеют место во всех культурных странах. Рабочий контроль, фактически сводящийся к захвату предприятий рабочими, означает устранение промышленников от управления предприятиями, а при таком положении в условиях современного капиталистического строя немыслимо ведение предприятия, в виду чего съезд энергично и решительно протестует против введения рабочего контроля и считает, что все промышленники и промышленные организации приложат все усилия к тому, чтобы эта пагубная мера не получила осуществления» [1]).

Все это совершенно меняло тот характер, который должен был иметь рабочий контроль. Рабочим приходилось создавать не органы контроля, а управления, поскольку владельцы устранялись от управления предприятиями. Последнее целиком переходило в руки рабочих. Эту работу взяли на себя профессиональные союзы. Они были единственными органами, которые могли выполнить ее, так как государство было еще слишком слабо и имело столько других важнейших работ, что было лишено возможности уделять этой работе особенно много сил.

---

1) „Новая Жизнь“. № 204 от 17 декабря 1917 г.

Превращение органов рабочего контроля в органы управления началось с расширения рамок контроля. В инструкции, изданной Центральным Советом фабрично-заводских комитетов в январе 1918 г., указывалось, что рабочий контроль над промышленностью, как составную часть контроля над всей промышленной жизнью, надо понимать не в узком смысле простой ревизии, а, напротив, в широком смысле вмешательства в распоряжение предпринимателя капиталами, инвентарем, имеющимися в предприятии сырьем и фабрикатами, активного надзора за правильностью и целесообразностью исполнения заказов, потребления энергии и рабочей силы, участия в организации самого производства на рациональных началах и т. д. [1]).

Организационные формы проведения рабочего контроля, выработанные Центральным Советом фабрично-заводских комитетов, заключались в следующем: фабрично-заводские комитеты выделяют из себя пять комиссий — по организации производства, по демобилизации, по снабжению сырьем, по снабжению топливом и по организации труда. Фабрично-заводские комитеты об'единяются в районные советы рабочего контроля, которые, в свою очередь, об'единяются в городские, губернские и обла-

---

[1]) А. Панкратова. „Фабрично-заводские комитеты в борьбе за социалистическую фабрику". Изд-во „Красная Новь",Москва, 1923 г.

стные советы народного хозяйства, работающие под руководством центрального совета фабрично-заводских комитетов. Совет народного хозяйства разделяется на секции по отраслям промышленности [1]).

Эта структура организационно оформляла превращение органов рабочего контроля в органы рабочего управления. Действительно, что из себя представляли советы народного хозяйства, создавшиеся из об'единений рабочего контроля городского, губернского и областного масштаба? Не трудно увидеть, что это были уже не органы контроля, а управления. Функции контроля не были даже представлены в их названии. В дальнейшем советы народного хозяйства целиком превратились в государственные органы управления промышленностью. Профсоюзы принимали самое деятельное участие в работе советов народного хозяйства и всячески содействовали советскому государству в строительстве хозяйства.

Разгоравшаяся гражданская война и решительное противодействие промышленников введению рабочего контроля вынудило советское государство в спешном порядке приняться за проведение национализации промышленности.

«Национализация, — говорил тов. Рыков на первом с'езде советов народного хозяйства, — производилась из-за неисполнения правил о рабочем

---

[1]) А. Панкратова—там же.

контроле и потому, что убежал фабрикант или администрация и просто за неисполнение постановлений Советской власти и т. д. и т. п. Первые месяцы после Октябрьского переворота целиком проникнуты тем, что борьба непосредственная, борьба баррикадная между рабочим классом и буржуазией переносится на отдельные фабрики и заводы. Национализация предприятий имела не хозяйственное, а чисто карательное значение».

Все эти причины обусловили особенно быстрый темп национализации промышленности. В середине 1918 года все основные отрасли промышленности были уже национализированы. Профсоюзы и фабзавкомы целиком поддержали эту линию, беря на себя всю работу по проведению национализации. 6 конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда, состоявшаяся в феврале 1918 года, признала необходимым переход всех орудий производства, фабрик, заводов и рудников, в руки государства.

«Принимая во внимание, — указывалось в резолюции конференции, — что высшие органы власти не имеют особых организаций, могущих управлять предприятиями, перешедшими в собственность республики, что власть рабочих, солдат и крестьян тем и сильна, что опирается на доверие трудящихся и их организации, со своей стороны она должна опираться и на эти организации, а потому во всех случаях национализации во главе этих предприятий

на местах должны быть поставлены рабочие этих предприятий, которые работают под руководством Советов Народного Хозяйства». Таким именно путем рабочий контроль постепенно превращался в рабочее управление.

Из всего сказанного мы видим, что как в подготовке Октября, так и в укреплении завоеваний Октябрьской революции профсоюзы сыграли выдающуюся роль. Они сумели побороть шатания в своих собственных рядах, развили огромную творческую энергию, успешно выполнили задачи, возложенные на них пролетарской властью и стали огромной силой, обеспечивающей незыблемость завоеваний Октября.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 25 коп.

Книгоиздательство ВЦСПС.
Москва, „11", Солянка, 12. Дворец Труда.
Тел. № 5-08-32.

Книжный магазин:
Кузнецкий мост, д. № 14 (уг. Рождественки).

Сибирское краевое отделение:
Новосибирск, Дворец Труда.